

ЛИТЕРАТУРНАЯ ЖИЗНЬ ПЕТРОГРАДА 21-23 гг. XX в.
ГЛАЗАМИ М. ШАГИНЯН

Свое отношение к новым авторам, оценку их произведений Шагинян выразила в сборнике статей, объединенном под общим названием - „Литературный дневник“. Впервые книга была издана в 1922г. в Петербурге. Второе, дополненное, издание вышло в свет в 1923г. в Москве. Оно включает в себя статьи, посвященные литературно-художественной действительности Петербурга 21-23 годов XX века.

Это был сложный, переломный период в истории страны, но при этом необычайно плодотворный в истории русской литературы, более известный как „Серебряный век“.

Именно в это время многие писатели и поэты, не смирившись с обстановкой в стране, победой Красной Армии, повлекшей за собой хаос, грабежи, аресты и обыски, были вынуждены покинуть страну. С 20-го по 23гг. эмигрировали такие представители русской литературной действительности, как А.Т.Аверченко, К.Д.Бальмонт, А.Белый, Н.Н.Берберова, И.А.Бунин, З.Н.Гиппиус, Д.С.Мережковский, Н.А.Лохвицкая (Тэффи). В.Ф.Ходасевич, М.И.Цветаева, А.Черный и т.д. Некоторые не смогли жить вдали от родины, но многие так и не вернулись.

„Невыразимо грустно! Невыразимо больно!

Хочется мне вернуться, но позади - кошмар!“¹ (И.Северянин)

Потрясения переживала не только общественно-политическая жизнь страны. В литературе образ „маленького человека“, униженного и оскорбленного, бесправного и незащитного, сменился образом человека нового времени – волевым, принципиальным, безжалостным к врагам.

Сама Шагинян в 20-ые годы прошлого столетия только-только приходила к пониманию писательского труда как „коллективной работы“², со своими четко обозначенными целями, определенными темами и героями. Литература стала средством агитации, восхваления нового строя, воспитания „нужных“ черт характера. Любая писатель, который имел иную точку зрения на предназначение писательского труда, подвергался гонениям, а „вредные“ произведения так и не доходили до читателя.

¹ Стр.316, Поэзия Серебряного века, М, изд. „Худ. литер“, 1991г, 574стр

² Стр 17, М.Шагинян, собрание сочинений в девяти томах, М., изд. „Худ. литер“, т. 9, 766стр.

Позднее, вспоминая начальный период своей творческой деятельности, она заявит, что тогда „была беспартийная и наполненная старым интеллигентским хламом”³, высоко ценила классическую литературу, приветствовала появление каждого нового талантливого писателя и огорчалась, видя, как многие из них покидают страну, не смирившись с требованиями „нового времени” и „коллективной литературы”.

Шагинян, будучи человеком деятельным и любознательным, предпочла остаться и осмыслить происходящее. Для нас было крайне важно понять, какой позиции придерживалась М.Шагинян, как воспринимала происходящее вокруг, как оценивала новое и переосмысливала старое. Дневник - своеобразный результат этого осмысления.

Дневниковая форма позволяет автору более свободно выбирать тему, быть отчасти своеобразной в своих суждениях, а читателю позволяет понять „личный художественный вкус” Шагинян и простить некоторые субъективные рассуждения. Она не просто пишет о своих взглядах на современную литературу и писателей, но и пытается сформулировать теорию таких литературных понятий как сказка, поэтика (фабула).

В своих статьях Шагинян часто прибегает к сопоставлению писателей, произведений. Так она пытается через сравнение дать характеристику творчества Блока и Белого, отмечая, что „Блок — максималист”, а Белый „в противоположность Блоку — минималист”⁴. Она отмечает схожесть манер Зоценко и Гоголя, которые вели повествование не от себя, а „от лица забавного и более примитивного, нежели сам автор”⁵. Антивоенную направленность творчества Ильи Эренбурга, его „патетический и хлесткий голос” и „беспощадную иронию”, которой он осмеивал военную идеологию, Шагинян сравнивает с поэзией Генриха Гейне. Молодая Цветаева сравнивается с Лохвицкой, при этом Шагинян раскрывает всю „грубость и примитивность” страсти Лохвицкой „в ее первобытной чистоте и неосознанности” и отмечает „как много обдуманного, даже воинственно женского в мыслях Цветаевой о страсти”⁶.

Шагинян в своих статьях не просто оценивает творчество рассматриваемых авторов. Она мотивирует каждую характеристику: „ Выше я сказала: мужественный, одинокий, скорбный, - пишет она о Блоке, -

³ Стр. 15, М.Шагинян, собрание сочинений в девяти томах. М., изд. „Худ. литер.”, т.9, 766стр.

⁴ Стр. 705, М.Шагинян, собрание сочинений в девяти томах. М., изд. „Худ. литер.”, т.2. 783 стр.

⁵ Там же, стр. 736.

⁶ Там же, стр. 754.

мужество требовалось Блоку, потому что он был один; скорбным он не мог не стать, потому что он был один"⁷.

Шагинян пытается определить задачи, которые стоят перед современной литературой. Она замечает, что в определенные периоды тонкие, нежные, чуткие высказывания становятся нежизнеспособными. Они - „безразличны”. Она так объясняет причину своего заключения: „Наше поле зрения наполнилось непривычными вещами. Мы не запомнили, не установили еще их первого прямого значения, - как же знаменовать ими тайные, вторые смыслы вещей? Старый мир так долго стоял на месте, что сквозь него засквозила вечность; новый мир не успел даже осесть на место”⁸.

Чтобы найти соответствующий символ, необходимо для начала познать саму „вещь”. „Символы ее — пока скрытая тайна, ибо искусству надлежит еще познать ее лик и наименование”⁹.

Шагинян недооценивала роль символизма в развитии отечественной литературы, считала его не достаточно жизнеспособным, видела в нем лишь стремление создавать красивые и загадочные образы, при этом сделать эти описания максимально недоступными простому читателю. Но как бы она не критиковала символистов, считая заблуждением и свое увлечение их идеалами, однако очень многим она в своем творчестве обязана именно символизму.

В своей статье „Победа писателя” (1936г) Шагинян рассматривает „эпохальную тему искусства”, которая должна была отражать „разногласие между интересами целого и части этого целого”, но для литературы начала XX века было характерно „прямое развитие собственной „эпохальной темы искусства”, которая заключалась не в расхождении и противоречии, а в „согласии интересов и взаиморазвитии между революционной стихией массы и сознательным руководством партии”¹⁰. Это „сознательное руководство партии” контролировало весь литературный процесс, решало жить или нет произведению, а порой и самому автору.

Особого внимания требует статья Шагинян об Эренбурге. Такое впечатление, что она пытается заранее оградить Илью Эренбурга от возможных нападок. Речь идет о романе писателя „Хулио Хуренито”, который из фельетона „развился в сатирический роман”. Если учесть тот факт, что свое начало роман берет от одного из самых легких жанров

⁷ Там же, стр. 708.

⁸ Там же, стр. 733.

⁹ Там же, стр. 734.

¹⁰ Стр 13, М. Шагинян, собрание сочинений в девяти томах, М., изд. „Худ. литер.”, т.9, 766стр.

художественного творчества, то совершенно закономерной становится легкость повествования. „Там, где принципами строения становятся танец и динамика, легкость есть достоинство, а не порок“¹¹. Вот такими неназойливыми объяснениями и тонкими замечаниями Шагинян пытается раскрыть читателю истинную ценность творчества Эренбурга.

Отсутствие необходимейших элементов любого творчества той эпохи — агитации, воспевания светлого будущего и народной борьбы, ставило жизнь произведения под угрозу. Чтобы оградить Эренбурга от возможной жесткой критики, Шагинян находит убедительный аргумент: „Всякая сатира „ликвидационных эпох“ всегда гнездится на скепсисе, на релятивизме, на усталом неверии ни во что. Таковы Лукиан, Петроний, Вольтер, хоронившие блестящий век старого французского режима“¹².

Эренбурга обвиняли в скептицизме, в нежелании „выставлять никаких абсолютных мерил“, „фиксировать абсолютных ценностей“, а Шагинян видела перед собой талантливую писателя со своим „замечательным романом“, который, по ее мнению, претендовал стать классиком, где „каждая фигура блещет тою художественной сконцентрированностью, что превращает лица в образы, а образы в символ“¹³.

Сам Эренбург в своем труде „Люди. Годы. Жизнь.“, вспоминая второй съезд писателей в 1954г., писал о том, как Шагинян, в очередной раз, обращалась к критикам с призывом „страстно“ бороться за жизнь „хорошего романа“. В противном случае „критик показывает, что ему, в сущности, очень мало дела до действительной оценки вещи, до ее правильного раскрытия, а главное, к чему он стремится, — это попасть в тон установившейся конъюнктуры.“¹⁴

Статьи Шагинян вообще отличаются неравнодушием к теме обсуждения. Конечно, если учитывать ее темперамент и тот факт, что рассматриваемые писатели — современники Шагинян, что со многими она была лично знакома и даже дружила, то ее неравнодушие становится вполне объяснимым.

Ее статьи об Андрее Белом написаны доброй знакомой, подругой, которая старается оставаться беспристрастной, быть объективной. Кроме статьи „Воспоминания А.Белого о Блоке“, которая по сути является сопоставительным анализом художественных особенностей творчества

¹¹ Стр. 742, М.Шагинян, собрание сочинений в девяти томах, М., изд. „Худ. литер.“, т 2, 783 стр.

¹² Там же, стр. 743.

¹³ Там же, стр. 741.

¹⁴ Стр 270, И.Эренбург, Люди, годы, жизнь, воспоминания в трех томах, том третий, изд. „Сов. Писатель“, 1990г, 492стр.

этих двух писателей (Ш. отмечает максимализм, утопизм, сектанство, „немедленную реализацию мистического помысла” Блока и минимализм, особый философский символизм, антропософизм Белого), Шагинян пишет статьи, посвященные только Белому. Она дает оценку его произведениям „Первое свидание” и „Эпопея”. Здесь уже нет опасений по поводу возможных гонений на автора и его произведения.

Особо положительно Шагинян отзывается о стихотворном романе Белого „Эпопея”, определяя его как роман-хронику. Шагинян отмечает задачу, которую перед собой ставил писатель, - „воспроизвести кусок бытия, пропустив его через развивающееся человеческое самосознание”. На „гекзаметральных волнах” „Эпопеи” Белого, по мнению Шагинян, „ни один человек, ни одно событие не легли бледнее и бесцветнее другого”¹⁵.

В отличие от высоко оцененной „Эпопеи”, произвольность и строгость которой Шагинян сравнивает со строгостью гомеровской строфы, а музыкальность авторского повествования с умением Ницше „музыкально рожать даже мысли”¹⁶, другое произведение Белого не удостоивается столь высоких похвал. Более того, поэму „Первое свидание”, написанную четырехстопным ямбом, Шагинян считает „не шагом вперед, а шагом в сторону”¹⁷, называя ее „комом из крошек”. Нет ничего похожего в оценках Шагинян „медленного и вкусного воспроизведения быта” „Эпопеи” и „совершенно ни на что не похожей поэмы”.

В статьях, которые Шагинян посвятила творчеству Ахматовой, она дает свою оценку ее стихам и пишет о своем субъективном отношении к ним. Так она восхищена поэмой Ахматовой „У самого моря”, называя встречу с ее книгой любовной.

Очередная книга Ахматовой - „Anno Domini” тоже привлекла внимание Шагинян. Она отмечает, что со временем выросли талант, мастерство, уверенность и зрелость поэта. Если за Эренбурга „она боялась”, если Белого то хвалила, то критиковала, то Ахматовой она дает советы, как не остановиться на достигнутом, как обеспечить себе признание потомков. „Победит манера, - и творчество Ахматовой застынет; победит стиль, - и Ахматова выйдет в русло русской классической лирики уже полноправно”¹⁸.

¹⁵ Стр 724, М.Шагинян, собрание сочинений в девяти томах, М., изд. „Худ. литер.”, т.2. 783 стр.

¹⁶ Там же, стр. 727.

¹⁷ Там же, стр. 723.

¹⁸ Там же, стр. 730.

В статье о Марине Цветаевой тон Шагинян приобретает какую-то особую нежность. Она опекает талант Цветаевой, как опекают маленьких детей. „Пишет она как играют дети, - своими словами, своими секретами, своими выдумками. И это неожиданно мило”¹⁹. Шагинян метко замечает крайнюю интимность стихотворений Цветаевой, которые оставляют у читателя впечатление, похожее на чтение чужих писем, дневников, настолько они являются личными.

Что же касается ее статьи „Серapiоновы братья”, то она скорее представляет собой отзыв на деятельность современных ей писателей, которых объединяют общие взгляды на художественное творчество. Эта литературная группа была сформирована в 1921 году в Петрограде. Писатели, входившие в нее, занимались поисками новых форм изображения действительности. В произведениях серapiоновцев основной отличительной чертой являлась их аполитичность.

Статья начинается с маленького, но пафосного вступления, в котором Шагинян восхваляет свою „любимую” Перемену. „Хаос родил жизнь — хаос оправдан”²⁰.

Она раскрывает читателю отличительные черты творчеств писателей-серapiоновцев, отмечая у них „преобладание темы над фабулой, содержания над занятностью”. При этом она отмечает, что на самом деле „Серapiоновы братья” не открывали нового жанра, а возродили „исконно русскую классическую повесть”. При этом они „ввели в рассказ принципы устной речи”.

Мельком дается оценка и творчеству В.Иванова, О.Н.Никитина, М.Зошенко, В.Каверина-Зильбера, М.Слономского, Л.Линца, К.Федина, И.Груздева, Е.Плонской.

Рассматривая творчество поэта Н.Тихонова, Шагинян отмечает тот рискованный путь, по которому начинает идти поэт. Это, по ее мнению, неумелое подражание. Для начинающих поэтов той эпохи она отмечает „неизбежность поэтической власти Пастернака”, который „высоко развил и культивировал очарование камерности”²¹.

Однако и тут личный вкус Шагинян мешает объективной оценке литературного явления. Стремясь разрушить все старое, она, обнаружив у Пастернака признаки классического стихосложения, заявляет, что „свежесть Пастернака мнима” и что „гримасы синтаксиса ничуть не мешают

¹⁹ Там же, стр.751.

²⁰ Там же, стр.732.

²¹ Там же, стр.759.

хорошей пушкинской строфике"²². С этими отзывами нельзя не спорить, поэзия Пастернака со своими „гримасами“, „рублеными сплеча ассоциациями“ - одно из уникальнейших явлений „Серебряного века“.

Наряду со статьями, в которых Шагинян пытается дать оценку творчеству современных ей писателей, в „Литературном дневнике“ нашли место статьи, посвященные проблемам, жанрам литературы и специфическим чертам художественного творчества.

В статье „Сказка“ Шагинян, используя опять-таки метод сравнения, раскрывает читателю характерные черты сказки и романа. Мариэтта Сергеевна отмечает, что состоит сказка из „штампованных фигур“. Но творение сказки из этих штампованных фигур так же многообразно, неожиданно, неисчислимо, как бесконечные комбинации шахматной игры из одних и тех же тридцати фигур. Роману же это не присуще. В сказках не выделяется автор, нет авторского повествования, в отличие от романа.

Однако эти наблюдения не носят характер глубокого научного исследования. Мариэтта Сергеевна не достаточно раскрывает сущность жанров сказки или романа. Она только высказывает свою точку зрения. Так Шагинян недооценивает роль сказки. Создается впечатление, что сказка, по ее мнению, - жанр, уже сыгравший свою роль в развитии художественного творчества, закрепивший за собой назначение развлечения. Это жанр, „где можно весь целиком материал произведения взять не из жизни, а уже готовыми и даже штампованными“²³.

Не следует рассматривать статьи Шагинян в качестве литературоведческих работ, поскольку, как мы уже отмечали, они научно не обоснованы.

Эти статьи, по сути, - дневниковые записи, в которых очень много ценных рассуждений, интересных мыслей и наблюдений. Так, например, в той же статье „Сказка“ Шагинян сравнивает чтение сказки с прослушиванием хорошей музыки. Чем больше и чаще слушаешь, тем интересней она становится. Полностью восприняв содержание произведения, начинаешь наслаждаться его формой.

В статье „Условность и быт“ Шагинян стремится разобраться в этих двух явлениях. Она пытается разграничить эти понятия, при этом - выявить пути перехода из одного в другое. Дон-Кихот, Дон-Жуан, по ее мнению, перешли из условности в быт. Шагинян высказывается категорично по вопросу о применении условности в изображении действительности. Необоснованный вымысел, неуместная условность превра-

²² Там же, стр.759.

²³ Там же, стр.718.

щает художественное творчество „в игру”. Она считает, что условность возникает „из-под палки”. Действительность, которую прикрывают, словно маской, условностью, „удаётся хитростью провести туда, куда ее не пускают обнаженной”²⁴. Только в этом случае она оправдывала условность, наверняка понимая, что именно так многие современные ей произведения попадали к читателю

В статье „Фабула” Маризтта Сергеевна прослеживает развитие сюжетов, начиная с так называемых „мифологических “фабул”. Один и тот же сюжет переходит от одного народа к другому. Отмечая внеациональность многих фабул, Шагинян подчеркивает, что, по исследованиям Кокса, фабула „Золушки” встречается в 350 вариантах” При этом она добавляет еще один — армянский.

В целом статьи Шагинян представляют собой интересные и достаточно зрелые отклики на литературную жизнь и явления литературы. В них есть немало ценной и заслуживающей внимания информации о литературной жизни Петрограда начала XX столетия. А все те недостатки, которые можно встретить в ее статьях, „оправдываются” выбором формы. Это дневник, в котором допускаются субъективные рассуждения, не совсем научные формулировки. Но при всем этом к „Литературному дневнику” необходимо относиться с достаточной серьезностью и вниманием, так как это не просто литературоведческие заметки, но и воспоминания, отношение писательницы к рассматриваемым явлениям литературы.

Дневниковая форма останется излюбленной на протяжении всей творческой деятельности Шагинян. Так появляются „Английские письма”, „Письма из ГДР”, „Итальянский дневник”, „Голландские письма”, в которых она дает оценку литературной, театральной, музыкальной жизни Европы. Целый цикл статей „Путешествие по Советской Армении” Шагинян посвятила своей исторической родине, ее культуре, искусству, истории и быту.

²⁴ Там же, стр. 721